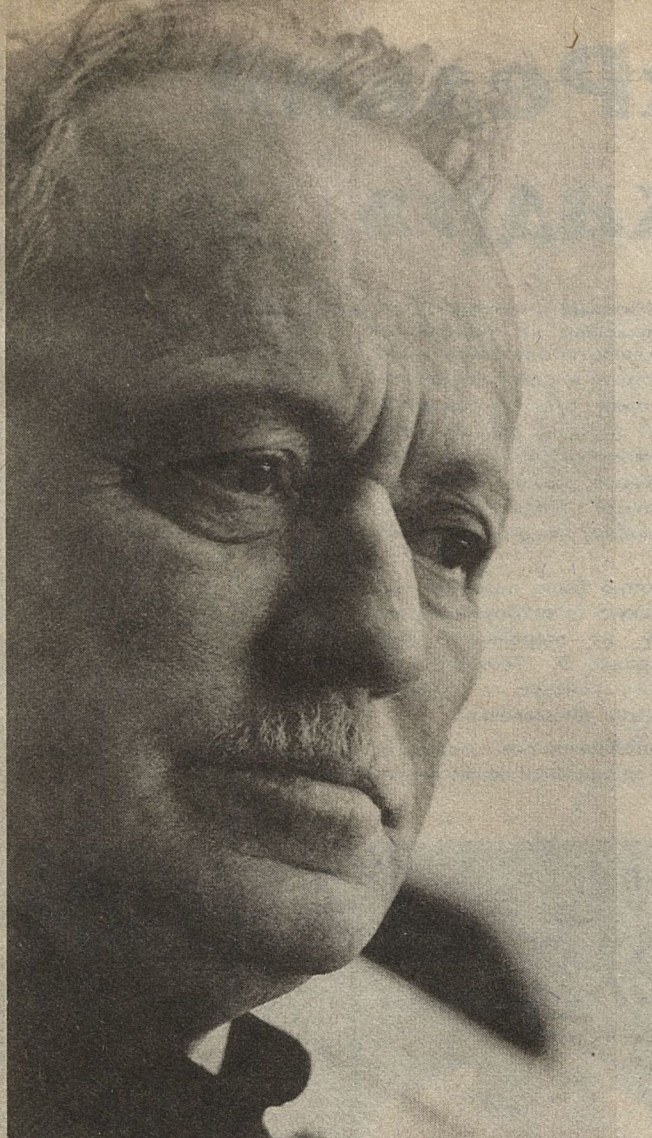

18.05.96

Шолохов

Валентин
Осипов

ГОДЫ, СПРЯТАННЫЕ В АРХИВАХ

Малоизвестные факты политической жизни Михаила Шолохова

ПОРТРЕТ ВОЖДЯ

Напомню: при Сталине совсем немногие писатели рисковали не живописать образ-облик Сталина. Что в романах Шолохова?

«Тихий Дон» — нет имени вождя, хотя восстание на Дону и оборона Царицына совпали по 1919 году, да и окровавленные степи соседствуют. Кто бы попрекнул, если бы и появилось упоминание...

«Поднятая целина» — вдохновитель коллективизации здесь только со строго «служебными» целями, по соответствию с историей. Он упоминается как автор статьи «Головокружение от успехов» или в яростном споре — в противопоставление Ленину — местного райкомовца с Давыдовым. Нет Сталина даже в рассказе об обороне Царицына, нет и в чувствах делегата съезда Советов Майданникова, когда сдерживал буденовку у Мавзолея.

«Они сражались за Родину» — вот когда Сталин ожил под шолоховским пером, к примеру, в таких красках: «У Сталина желтые глаза сузились, как у тигра перед прыжком, но сказал он довольно сдержанно...

Не многие знают, что эти строки рождались по личным воспоминаниям. 1931 год — журнал отказывается продолжать «Тихий Дон». Времени уже так мало, что только Сталин может отменить приговор. Происходит встреча. Она напоминала допрос. Мне о ней рассказывал сам писатель.

«Сталин задал вопрос: «Почему вы так смеленно описываете генерала Корнилова?» Я ответил: «Поступки Корнилова вывел без сомнения. Но действительно некоторые манеры и рассуждения изобразил в соответствии с пониманием облика этого воспитанного на офицерском кодексе чести и храбрости на германской войне человека, который субъективно любил Россию. Он даже из германского плена бежал».

Сталин воскликнул: «Как это — чести?! Он же против народа пошел! Лес виселиц и моря крови!» Волжанин сказал, что эта обаятельная правда убеждала меня. Я потом отредактировал рукопись.

Сталин новый вопрос задал: «Где взял факт о переходе Донбасса РП(б) и Рабоче-крестьянской революции к отношению к казачьему среднему?» Я ответил, что роман описывает произвол строго документально — по материалам архивов. Но историк, сказал, — эти материалы обходят и граждан-

скую войну показывают не по правде жизни. Они скрывают произвол троцкистов, тех, кто обрушил репрессии на казачков. В этом трагедия казачества...

Оценим политическую отгадку 27-летнего писателя. Это только с недавних пор стали рассуждать обо всем этом вслух. Шолохов продолжил рассказ: «В конце встречи Сталин произнес: «Некоторые кажется, что третий том романа доставит много удовольствия тем нашим врагам, белогвардейцам, которые эмигрировали». И он спросил меня и Горького: «Что вы об этом скажете?» Горький ответил: «Они даже самое хорошее, положительное могут извратить, чтобы повернуть против Советской власти». Я тоже ответил: «Для белогвардейцев хорошего в романе мало. Я ведь показываю полный их разгром на Дону и Кубани...» Сталин тогда проговорил: «Ва, согласен. Изображение хода событий в третьем томе «Тихого Дона» работает на нас, на революцию».

Каков же у вешенца характер! Сталин посчитал нужным отступить.

Писателю, однако, еще целых 20 лет не дано будет знать о новостях правителя в оценках романа — описывается, уже лежит в архиве его письмо с таким отзывом: «Тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений...»

ОПУ

Один из прототипов Мелихова — казак Ермаков с многопострадавшей и от белых, и от красных судьбой.

В 1990 году О. Никитина напечатала в «Советской культуре» интереснейший очерк, в котором в одном документе с фамилией Ягоды значилось: «Ермакова Харлампия Васильевича расстрелял. Дело сдать в архив».

В деле среди конфискованных бумаг должно бы храниться и письмо Шолохова — просил Ермакова о встрече, чтобы напечатать материалы о восстании на Дону.

Запомнилась ли Ягода связь писателя с «врагом народов» Шолохов же Ягоду запомнил на всю жизнь — в особенности одну его реплику: «Миша, а ты все же контрик. Твой «Тихий Дон» ближе белым, чем нам».

ПРЕДСКАЗАННАЯ ТРАГЕДИЯ

«Поднятая целина» писалась в 1931 году. Голод на Дон вошел в зиму 1932—1933 годов. В то время Шолохов отправил

в Москву несколько писем (теперь-то наконец напечатанные) с отчаянной, напомню, правдой о жутких последствиях голода.

Но и в романе о голоде... Что это — писательская фантазия с совпадением или предчувствие трагедии, поскольку смог разглядеть ее в сталинской политике индустриализации за счет отбирания хлеба у крестьян? Кому же поручил сказать о голоде? Врагу. Видать, рассчитывал, что у цензоров с врага меньше спрос. Но ведь и не опроверг, как это должно было быть по канонам социализма.

Половец пишет в Гремячий Лог: «Нами получены достоверные сведения о том, что ЦК большевиков собирает среди хлебоборческого населения хлеб, якобы для колхозных посевов. На самом деле хлеб пойдет для продажи за границу, а хлеборобы, в том числе и колхозники, будут обречены на жестокий голод».

Романист будто заглянул на два года вперед, когда за границу продадут 28 миллионов центнеров хлеба.

И каково же было читать у Шолохова после 1933 года о голоде, узнавая истинную причину трагедии!

ОТВЕТ

«Правда» летом 1933 года напечатала: «Заявление о голодной смерти миллионов советских граждан на Волге, Украине и Северном Кавказе является вульгарной клеветой, грязным наветом». Сталин вообще запретил упоминать о голоде. Скрыл от страны и мира. Запрет на официальное признание голода растянулся аж до 1989 года (статья в журнале «История СССР»).

Стать «клеветником» и «наветчиком» не боялся при Сталине один Шолохов. Это произошло в статье, которую писал для книги к 60-летию Сталина (вот это, думаю, и уверенно правду от цензуры). В статье не только обнародовал факт голода и рассказал о репрессиях, но и опроверг 7-летний давности письмо вождя о том, что-де был «саботажем» и «война с советской властью». Уже самая первая фраза обличала, что виновник голода — «краевое руководство». Дальше — как был организован голод: «Под видом борьбы с саботажем в колхозах — ли-

шили колхозников хлеба. Весь хлеб, из которого выдают 3 страницы. Совсем, выходит, не расщедрился. У многих других по 10—15 страниц, а то и больше».

АННА АХМАТОВА

Для нее уже двадцать лет сплошная череда злосчастий: расстрелян муж — поэт Гумилев, не выходит книги, в 1939 году арестован сын...

Кто сможет помочь матери и сыну? Читаю в «Записках об Ахматовой» Лидии Чуковской, что М. А. Шолохов помог освободению. Увы, ненадолго. А кто заступится за поэта Ахматову? В недавнем обнародованном ее заметках прочитали: «С 1925 года меня совершенно перестали печатать и планомерно начали уничтожать в текущей прессе. Можно представить, какую жизнь я вела в это время».

«Так продолжалось до 1939 года» — Это продолжение записки. В том году нашелся смельчак, который поперечил отлучке Ахматовой от читателей и рассказал Сталину об ее таланте. Дано указание срочно выпустить книгу.

Шолохов рассчитал — для опытного поэта мало выпустить книгу, тем более, по обыкновению, малым тиражом. Нужно возбудить общественное мнение. Читаем записки Ахматовой: «Шолохов выставил ее на Сталинскую премию (1940)». Напомню: то был первый год существования высшей в стране премии.

«Пошли доносы...» — пишет Ахматова. И тогда книгу запретили и начали изымать из библиотек. У Сталина и Берии не

замечу: статья Шолохова отлиняла, даже размером 3 страницы. Совсем, выходит, не расщедрился. У многих других по 10—15 страниц, а то и больше».

АННА АХМАТОВА

Кто сможет помочь матери и сыну? Читаю в «Записках об Ахматовой» Лидии Чуковской, что М. А. Шолохов помог освободению. Увы, ненадолго. А кто заступится за поэта Ахматову? В недавнем обнародованном ее заметках прочитали: «С 1925 года меня совершенно перестали печатать и планомерно начали уничтожать в текущей прессе. Можно представить, какую жизнь я вела в это время».

«Так продолжалось до 1939 года» — Это продолжение записки. В том году нашелся смельчак, который поперечил отлучке Ахматовой от читателей и рассказал Сталину об ее таланте. Дано указание срочно выпустить книгу.

Шолохов рассчитал — для опытного поэта мало выпустить книгу, тем более, по обыкновению, малым тиражом. Нужно возбудить общественное мнение. Читаем записки Ахматовой: «Шолохов выставил ее на Сталинскую премию (1940)». Напомню: то был первый год существования высшей в стране премии.

«Пошли доносы...» — пишет Ахматова. И тогда книгу запретили и начали изымать из библиотек. У Сталина и Берии не

замечу: статья Шолохова отлиняла, даже размером 3 страницы. Совсем, выходит, не расщедрился. У многих других по 10—15 страниц, а то и больше».

АННА АХМАТОВА

Кто сможет помочь матери и сыну? Читаю в «Записках об Ахматовой» Лидии Чуковской, что М. А. Шолохов помог освободению. Увы, ненадолго. А кто заступится за поэта Ахматову? В недавнем обнародованном ее заметках прочитали: «С 1925 года меня совершенно перестали печатать и планомерно начали уничтожать в текущей прессе. Можно представить, какую жизнь я вела в это время».

«Так продолжалось до 1939 года» — Это продолжение записки. В том году нашелся смельчак, который поперечил отлучке Ахматовой от читателей и рассказал Сталину об ее таланте. Дано указание срочно выпустить книгу.

Шолохов рассчитал — для опытного поэта мало выпустить книгу, тем более, по обыкновению, малым тиражом. Нужно возбудить общественное мнение. Читаем записки Ахматовой: «Шолохов выставил ее на Сталинскую премию (1940)». Напомню: то был первый год существования высшей в стране премии.

«Пошли доносы...» — пишет Ахматова. И тогда книгу запретили и начали изымать из библиотек. У Сталина и Берии не

замечу: статья Шолохова отлиняла, даже размером 3 страницы. Совсем, выходит, не расщедрился. У многих других по 10—15 страниц, а то и больше».

АННА АХМАТОВА

Кто сможет помочь матери и сыну? Читаю в «Записках об Ахматовой» Лидии Чуковской, что М. А. Шолохов помог освободению. Увы, ненадолго. А кто заступится за поэта Ахматову? В недавнем обнародованном ее заметках прочитали: «С 1925 года меня совершенно перестали печатать и планомерно начали уничтожать в текущей прессе. Можно представить, какую жизнь я вела в это время».

«Так продолжалось до 1939 года» — Это продолжение записки. В том году нашелся смельчак, который поперечил отлучке Ахматовой от читателей и рассказал Сталину об ее таланте. Дано указание срочно выпустить книгу.

Шолохов рассчитал — для опытного поэта мало выпустить книгу, тем более, по обыкновению, малым тиражом. Нужно возбудить общественное мнение. Читаем записки Ахматовой: «Шолохов выставил ее на Сталинскую премию (1940)». Напомню: то был первый год существования высшей в стране премии.

«Пошли доносы...» — пишет Ахматова. И тогда книгу запретили и начали изымать из библиотек. У Сталина и Берии не

замечу: статья Шолохова отлиняла, даже размером 3 страницы. Совсем, выходит, не расщедрился. У многих других по 10—15 страниц, а то и больше».

АННА АХМАТОВА

Кто сможет помочь матери и сыну? Читаю в «Записках об Ахматовой» Лидии Чуковской, что М. А. Шолохов помог освободению. Увы, ненадолго. А кто заступится за поэта Ахматову? В недавнем обнародованном ее заметках прочитали: «С 1925 года меня совершенно перестали печатать и планомерно начали уничтожать в текущей прессе. Можно представить, какую жизнь я вела в это время».

«Так продолжалось до 1939 года» — Это продолжение записки. В том году нашелся смельчак, который поперечил отлучке Ахматовой от читателей и рассказал Сталину об ее таланте. Дано указание срочно выпустить книгу.

писатель, в том числе такие излияния: «На Сталина обижуюсь. Мешает одно, мы с ним не на равных; если я отношусь к нему с неприязнью, то ему на это наплевать, ему от этого ни холодно, ни жарко, а вот он отнесся ко мне неприязненно, так мне от этого было и холодно, и жарко, и еще кое-что похуже...»

В АРХИВЕ ЦК

В одной из папок, что вобрали в себя документы деятельности Г. М. Маленкова в 1943 году, обнаружил машинопис с заголовком: «Они сражались за Родину».

На ней резолюция: «т. Маленкову и (неразборчиво). Вещь хорошая. По-моему, ее надо напечатать в «Правде» и в «Красной звезде». И подписать. И ее разоборать, увы, не смог.

Сразу бросаются в глаза подчеркивания цветным карандашом.

Подчеркнуто: «Чертов союзники!» «Нет, Коля, ты как хочешь, а я генералом не желаю быть!» «Арию разбили!» «Идем мы пятый день, скоро уж Дон, а потом Сталинград... Разбили наш полк вдребезги. А что с остальными? С армией?» «Похожий на английского министра Антона Идена». И далее все в таком же духе...

Пришел домой и все это стал сравнивать с текстом последнего издания. Почти все из подчеркнутого уцелело.

ПО СТРАНИЦАМ УЧЕБНИКА

1948 год — выходит очередное издание учебника по литературе для 10-го класса. Если

надо узнать официальный статус того или иного писателя — так в книжке надежный сертификат или на благонадежность, или на сдержанное отношение, а то на замалчивание...

Горькому отдано почти 90 страниц. Маяковскому — 74. Есенину — 27 строк (строк!) мелким шрифтом. Фадееву — 14 страниц. Шолохову — 12.

Но не это самое главное. Учебник тщательно выделяет отношение к Сталину: упоминание — как орден, а если не упомянуть, общественная значимость такого писателя явно под сомнением. Вот об одном писателе: «Важнейшей чертой повести является изображение в ней вождя революции — Ленина и Сталина. Неоднородность Сталина, организующую победу в Царицыне и отправляющую в Москву хлеб, спасающую ее от голодной блокады, — центральные страницы...»

В этом смысле выделяются два писателя: Фадеев и Шолохов. В главе о Фадееве идет раздел «Недостатки романа «Молодая гвардия». Напомню: эти недостатки выявил сам Сталин и обнародовал в очень резкой форме.

Шолохов. Автор учебника «забыл» даже то, что писатель — лауреат Сталинской премии. Видимо, причина в испуганной строчке: «В «Тихом Доне», обзоры коммунистов обрисованы сравнительно бледно...»

Напомню: совсем скоро выйдет 12-й том Сочинений И. В. Сталина. В нем будут преданы гласности обвинения роману в «грубейших ошибках». Роман будет остановлен — от издательства потребуется переделка: вести образ Сталина.

Пошли рикшеты. В одном из номеров «Нового мира» статья под политическим многоважной рубрикой «К 20-летию массового колхозного строительства». В статье все Сталин, Сталин, Сталин! Десятки раз. Одна только цитата из Ленина. Без писателей не обошлось, упомянут почему-то даже Герберт Уэллс. Но нет Шолохова и его «Поднятой целины».

О ком говорил? О себе говорил — кто в его понятии мог в эту войну считаться «гениальным полководцем»?

Не выполнил Шолохов задания. В военном романе из полководцев до края настрадавшийся и в немецком плену, и в «своих» застенках генерал Лукин. Что о Сталине? В немалой мере то, что перенес сам

70-летие ВОЖДЯ

Будет ли привлечен к невиданно пышно готовящемуся юбилею М. А. Шолохов — депутат, лауреат, академик?

Юбилейный комитет. В него входят все ближайшие сталинские соратники, а также переводки труда и выдающиеся

ученые, артисты, писатель, библиограф Шостакович... Нет в их числе Шолохова.

Печатаются сообщения о митингах и собраниях по всей стране. Есть и с Дона. Но нет в перечнях ораторов Шолохова.

В «Правде» праздничные литовбы. В них о тех произведениях, которые считаются лучшими по сталинскому видению достижений социалистического реализма. Десятки, десятки писательских имен, но и здесь нет Шолохова.

Кто только не печатал приветственные статьи. Соратникам вождя определены размеры в страницах. Писателям — не меньше 200—250 строк, чаще по 300—400, кое-кому доставались престижные подвалы. Один поэт дважды пошел с приветствиями: сперва напечатал стихи, через три недели огромную статью. Еще один поэт — тот, что потом отдал всего себя борьбе со сталинщиной, — начал свои стихи так: «Пусть весны долгой, долгой чередой Несут над Вашей славной сединой...»

Нашел отклик Шолохова. Он — на 50—60 строк — расположился в окружении больших статей на 2-й странице за день до праздника. Чувствую, что писатель ничуть не забыл своих же слов в юбилейной статье 1939 года. И 10 лет спустя не злоупотребил ни «многословием», ни «эпитетами».

Еще удивил — заметка по большей части не о юбилере, а о его матери («Маленькая скромная грузинская женщина»). Не полужавил писатель. Не стремился к лести и перевалу. Мать Сталина и на самом деле была такой — скромной. Сужу об этом по свидетельству Светланы Аллилуевой.

Помимо всего прочего, это знало, что Шолохов пошел наперекор главному идеологу страны Суслову. В воспоминаниях Н. С. Хрущева можно прочитать, кто самым первым в ЦК выступил против напечатания: «Только Суслов раскричался. Он хотел все держать под контролем. «Этого нельзя делать!» — заявил он. — Вот и все. Как это поймет народ!»

Что Солженицын в это время? Сохранилось его письмо во Вешенскую:

«Глубокоуважаемый Михаил Александрович! Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, — помешали мне выразить Вам тогда мое неизменное чувство: как высоко я ценю автора бессмертного «Тихого Дона».

От души хочется пожелать Вам успешного труда, а для того прежде всего — здоровья! Ваш А. Солженицын».

Через несколько лет А. И. Солженицын одобрил своим предисловием книжку о Шолохове как о плагиаторе.

БРЕЖНЕВ Л. И. Такое однажды услышал я от Шолохова из истории романа «Они сражались за Родину»:

«Послал я Брежнев рукопись романа... Там несколько страниц о Сталине. Подумал, что посоветоваться не помешает. Жду неделю, жду месяц, жду третий... Сталин за две ночи прочитал «Поднятую целину». Наконец посланный из ЦК передает мне папку с романом. Я скорее раскрываю, а там что? Письма нет, а по рукописи на полях три вопроса без каких-либо пояснений — разъяснений... Один вопрос стоял там, где у меня шло о Сталине. Критический шло... Второй вопрос — где у меня герои проходились по союзникам; тянули союзники с открытием второго фронта. Третий — снова там, где дальше шло о Сталине.

Недоброжелательство сохранил навсегда. Как-то рассказал: «Знаком междуугородный — Москва! Мне говорят: «Сейчас с Вами будет говорить Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев!» После такого выступления стало мне что-то занимать. Через несколько дней слышу в трубке: «Михаил Александрович, здравствуйте! Я решил заехать к вам, в Вешенскую. Поблизости у вас в гостях. Вы не будете возражать? А мне как можно возвратиться? Попробуйте возвратиться... Я и говорю очень вежливо: «Дорогой Леонид Ильич, как же вы к нам приедете, если у нас в этом году с урожаем на Дону не вышло. Нет у нас урожая». Слышу — молчит. Потом говорит: «Да свидания, Михаил Александрович...»

Шолохов при этих словах хитровато улыбнулся. И подытожил: «Так ведь и не приехал».

Факты, факты, факты... Надеюсь, что после знакомства с ними никак не захочется конструировать одномерные схемы.

ПРОЩАНИЕ СО СТАЛИНИНЫМ

Трудно искалась истина после смерти Сталина. Шолохов не любил тех, что суетно чернили прошлое — размахисты, без никакого разбора. Но ему принадлежат и такое, к примеру, беспощадное высказывание: «Не слишком ли мы терпимы к тем, на чей совести тысячи погибших верных сынов России и партии, тысячи загубленных жизней их близких?»

Н. С. ХРУЩЕВ

Писатель ценил его за многое, принимая в Вешенской, съездив с ним в Америку... Но и такое случилось, о чем рассказала мне младшая дочь

писателя: «Однажды летом Никита Сергеевич, а потом его жена Нина Петровна, все знали да звали отца к себе на дачу. Как-то слышу, что отец по телефону поблагодарил Нину Петровну за очередное приглашение. А потом — наверное, когда она продолжала настаивать, — вдруг в трубку: «Я, говорит, вас и Никиту Сергеевича уважаю. Да знаете, есть такая поговорка: «Служить бы рад, прислуживаться тошно...» Замечу по итогам поездки, а в США вышла публицистическая книга. Ее написали те, кто сопровождал Хрущева. Фамилии Шолохова в числе соавторов не обнаружили».

СОЛЖЕНИЦЫН И ШОЛОХОВ

Не берусь становиться судьей их враждебных отношений. Но претендую на право напомнить о некоторых фактах.

Не обошлось без Шолохова вхождение в литературу никому не известного писателя с запретной лагерной темой. Шолохов о такой своей заслуге почему-то никогда вслух. Узнал обо всем этом из недавнего (1989 г.) обнародованного письма А. Т. Твардовского о позиции члена редколлегии «Нового мира» Шолохова: «М. А. Шолохов в свое время с большим одобрением отозвался об «Иване Денисовиче» и просил меня передать поцелуй автору повести...»

Помимо всего прочего, это знало, что Шолохов пошел наперекор главному идеологу страны Суслову. В воспоминаниях Н. С. Хрущева можно прочитать, кто самым первым в ЦК выступил против напечатания: «Только Суслов раскричался. Он хотел все держать под контролем. «Этого нельзя делать!» — заявил он. — Вот и все. Как это поймет народ!»

Что Солженицын в это время? Сохранилось его письмо во Вешенскую:

«Глубокоуважаемый Михаил Александрович! Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, — помешали мне выразить Вам тогда мое неизменное чувство: как высоко я ценю автора бессмертного «Тихого Дона».

От души хочется пожелать Вам успешного труда, а для того прежде всего — здоровья! Ваш А. Солженицын».

Через несколько лет А. И. Солженицын одобрил своим предисловием книжку о Шолохове как о плагиаторе.

БРЕЖНЕВ Л. И. Такое однажды услышал я от Шолохова из истории романа «Они сражались за Родину»:

«Послал я Брежнев рукопись романа... Там несколько страниц о Сталине. Подумал, что посоветоваться не помешает. Жду неделю, жду месяц, жду третий... Сталин за две ночи прочитал «Поднятую целину». Наконец посланный из ЦК передает мне папку с романом. Я скорее раскрываю, а там что? Письма нет, а по рукописи на полях три вопроса без каких-либо пояснений — разъяснений... Один вопрос стоял там, где у меня шло о Сталине. Критический шло... Второй вопрос — где у меня герои проходились по союзникам; тянули союзники с открытием второго фронта. Третий — снова там, где дальше шло о Сталине.

Недоброжелательство сохранил навсегда. Как-то рассказал: «Знаком междуугородный — Москва! Мне говорят: «Сейчас с Вами будет говорить Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев!» После такого выступления стало мне что-то занимать. Через несколько дней слышу в трубке: «Михаил Александрович, здравствуйте! Я решил заехать к вам, в Вешенскую. Поблизости у вас в гостях. Вы не будете возражать? А мне как можно возвратиться? Попробуйте возвратиться... Я и говорю очень вежливо: «Дорогой Леонид Ильич, как же вы к нам приедете, если у нас в этом году с урожаем на Дону не вышло. Нет у нас урожая». Слышу — молчит. Потом говорит: «Да свидания, Михаил Александрович...»

Шолохов при этих словах хитровато улыбнулся. И подытожил: «Так ведь и не приехал».

Факты, факты, факты... Надеюсь, что после знакомства с ними никак не захочется конструировать одномерные схемы.

ПРОЩАНИЕ СО СТАЛИНИНЫМ

Трудно искалась истина после смерти Сталина. Шолохов не любил тех, что суетно чернили прошлое — размахисты, без никакого разбора. Но ему принадлежат и такое, к примеру, беспощадное высказывание: «Не слишком ли мы терпимы к тем, на чей совести тысячи погибших верных сынов России и партии, тысячи загубленных жизней их близких?»

Н. С. ХРУЩЕВ

Писатель ценил его за многое, принимая в Вешенской, съездив с ним в Америку... Но и такое случилось, о чем рассказала мне младшая дочь

164